

Проект
1871.

3218

Проф. М. Я. Пергаментъ.

ЮРИДИЧЕСКІ
КАБИНЕТЪ
В. Ж. К.

КЪ ПРЕДСТОЯЩЕМУ ВНЕСЕНІЮ

ВЪ

Государственную Думу

ПРОЕКТА

ГРАЖДАНСКАГО УЛОЖЕНІЯ.

116792р. пр.
1871

Рѣчь въ годовомъ собраніи Юридическаго общества
при С.-Петербургскомъ университетѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія т-ва „Общественная Польза“, В. Подъяческая, № 39.
1913.

СПбГУ

Вашему благосклонному вниманію я рѣшаюсь представить только отдѣльные, немногія и непритязательныя, притомъ весьма общія соображенія, которыя естественно, болѣе того: неотвязчиво, напрашиваются при мысли о предстоящемъ внесеніи въ государственную думу проекта гражданскаго уложенія,—соображенія вводнаго, такъ сказать, подготовительнаго характера, своего рода пролегомены къ грядущему дѣлу крупной, первостепенной важности — дѣлу реформы гражданскаго права въ Россіи, пусть даже только частичной реформы.

Я сейчасъ упомянулъ о частичности реформы. Да будетъ мнѣ прежде всего позволено остановиться именно на этомъ моментѣ, на неполнотѣ задуманнаго преобразованія.

Какъ извѣстно, правительство выработало не все гражданское уложеніе полностью, а одну лишь часть его, только одну книгу изъ нѣсколькихъ. Правда, эта книга по своему объему значительно превышаетъ всѣ остальные—она равна приблизительно двумъ пятымъ всего кодекса,—но все же она не болѣе, какъ часть, какъ фрагментъ, ибо призвана обнимать только право

обязательственное. Прочіе отдѣлы—правосемейственное, вещное, наслѣдственное, какъ и право лицъ и другія, такъ наз. «положенія общія»,—все это остается безъ перемѣнъ, остается пока въ своемъ старомъ, мало приглядномъ видѣ.

Однако, правильна ли подобная постановка? И не лучше ли, если уже невозможно сейчасъ осуществленіе всей реформы гражданскаго права, не лучше ли тогда вооружиться терпѣніемъ и дальше, не предпочтительнѣе ли ожидать, пока назрѣетъ и у насъ проектъ гражданскаго уложенія въ цѣломъ, а не какой-то проектъ одного только отдѣла, не какой-то обрывокъ? Вѣдь, духъ и направленіе всѣхъ частей кодекса должны быть однородны, а между тѣмъ, при одновременности ихъ изданія, при значительномъ, неизбѣжномъ промежуткѣ годовъ, раздѣляющемъ эти части, однородность недостижима, немыслима.

Такъ могутъ разсуждать, и дѣйствительно такъ, на примѣръ, еще не столь давно разсуждалъ покойный русскій цивилистъ, незабвенный Габріэль Феликсевичъ Шершеневичъ ¹⁾.

Основательно ли намѣченное воззрѣніе, вѣрно ли оно? Отвѣчаю безъ колебанія: нѣтъ, неосновательно и невѣрно. Говорить, вмѣстѣ съ Брандомъ у Ибсена: все или ничего, говорить это въ Россіи въ переживаемую трудную пору, при окружающихъ насъ суровыхъ условіяхъ,—значить, конечно, уготовить себѣ, уготовить странѣ не «все», а непременно «ничего». Болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, и болѣе, чѣмъ когда-либо, для

¹⁾ Курсъ гражданскаго права, стр. 451.

современнаго русскаго общества Брандовская дилемма пагубна, антикультурна.

Но я иду еще дальше. Мнѣ думается, что сейчасъ намъ не должно даже и желать составленія и обсужденія гражданскаго кодекса въ его цѣломъ. «Это былъ бы потерянный трудъ и напрасное разочарованіе», какъ выразился тотъ же Г. Ф. Шершеневичъ въ другой разъ¹⁾. Въ объемѣ всего гражданскаго права мы, поистинѣ, «къ законодательству не призваны». Эта нелестная аттестація, данная сто лѣтъ тому назадъ великимъ Савиньи своему времени, сохраняетъ свою силу для насъ въ Россіи еще и понынѣ—пусть по основаніямъ совершенно различнаго свойства.

А съ другой стороны, развѣ не достигнуто у насъ за послѣдніе годы нѣкоторое, конечно скромное, однако безспорное, улучшеніе права, напр., наслѣдованія? Развѣ не прошелъ все же благодѣтельный въ общемъ законъ о правѣ застройки? А наше архаическое «право собственности на произведенія наукъ, словесности, художествъ и искусствъ» отъ 1830 года, развѣ не удалось его замѣнить стоящимъ на серьезной высотѣ «авторскимъ правомъ» 20 марта 1911 г.? Разумѣется, всѣ эти нововведенія не безъ большихъ дефектовъ—кто станетъ отрицать это?—и, тѣмъ не менѣе, врядъ ли правильно сомнѣваться, что по намѣченному такимъ образомъ пути, что именно въ указанномъ направленіи лежитъ цѣлесообразное и прогрессивное развитіе русскаго гражданскаго законодательства въ ближайшемъ и просто близкомъ будущемъ. По этой, а не иной

¹⁾ „Право“, 1906, стр. 12.

какой дорогѣ намъ и слѣдуетъ шагать все дальше, шагать твердо и смѣло. Въ ряду другихъ болѣе крупныхъ преобразованій, эта дорога должна насъ привести уже скоро къ новой системѣ укрѣпленія недвижимыхъ имуществъ, къ рациональной вотчинной или ипотечной системѣ, которой суждено смѣнить нашу нынѣ дѣйствующую, окончательно устарѣвшую и непригодную систему крѣпостную. Что соотвѣтственные законопроекты готовы и даже внесены были уже и въ третью и во вторую государственную думу, хорошо извѣстно. Равнымъ образомъ недалекъ, очевидно, отъ окончательнаго своего завершения и новѣйшій проектъ устава объ опекахъ и попечительствахъ, надъ которымъ, по проникающимъ въ печать свѣдѣнιάмъ, нынѣ работаетъ то же министерство юстиціи, утилизируя, естественно, неоднократныя на этотъ же счетъ попытки прежнихъ лѣтъ и обильные матеріалы, завѣщанные не одною комиссіей. Нужно ли прибавлять, что наше дѣйствующее объ опекѣ и попечительствѣ законодательство, построенное, помимо всѣхъ прочихъ своихъ недостатковъ, на началѣ словности,—что для нашихъ дней оно сущій анахронизмъ, переживаніе отъ временъ былыхъ и далекихъ?!

Наконецъ, все та же дорога приводитъ,—нѣтъ, уже привела насъ и къ проекту обязательственнаго права. Но—такъ могутъ опять возразить—отчего же именно обязательственнаго права? Положимъ, планъ обновленія нашего гражданскаго права по частямъ есть планъ дѣйствительно резонный, надлежащій. Но почему же и въ какихъ видахъ отдавать преимущество

обязательствамъ предъ правомъ семейнымъ, вещнымъ, наслѣдственнымъ—обязательствамъ, которыя, къ тому же, и въ нынѣшнихъ нашихъ гражданскихъ законахъ, и по первоначальному проекту всего гражданского уложенія, занимаютъ—топографически—послѣднее мѣсто, оказываются въ одномъ случаѣ книгою четвертою, а въ другомъ—пятою? Такъ зачѣмъ же начинать съ конца? Оправдывается ли и этотъ образъ дѣйствій?

Да, безусловно оправдывается. Дѣло, конечно, не въ топографіи. Приступать къ частичному созданію новаго гражданского кодекса съ какой-либо другой стороны, кромѣ права обязательственного, было бы, безъ сомнѣнія, капитальнѣйшею ошибкой,—кто знаетъ, обрело бы все благое начинаніе на печальнѣйшую неудачу. Недаромъ же исторія кодификаціи гражданского права на Западѣ не разъ являетъ намъ тотъ примѣръ—примѣръ краснорѣчивый и убѣдительный, что объединеніе, что реформа гражданского права осуществились первѣе всего въ области именно обязательствъ. Такъ, Швейцарія уже съ 1881 года находилась въ счастливомъ обладаніи своего такъ наз. союзнаго закона объ обязательствахъ, между тѣмъ какъ въ то же время и въ той же Швейцаріи, въ сферѣ прочихъ отдѣловъ гражданского законодательства, еще долго сохранялись разнообразнѣйшія мѣстныя, кантональныя нормы, происхожденія отчасти стародавняго и содержанія нерѣдко крайне мало удовлетворительнаго. И только на нашихъ глазахъ, лишь 1 января прошлаго 1912 года Швейцаріи дано было дожить до вступленія въ дѣйствіе и цѣлаго гражданского уло-

женія во всемъ его объемѣ, этого новѣйшаго и образцоваго кодекса, достоинства котораго, положительно, велики, а красоты общепризнаны. А въ Германіи занимающій насъ процессъ законодательнаго творчества развѣ не свидѣтельствуеетъ о томъ же? Послѣ общевексельнаго устава середины истекшаго 19-го столѣтія, этой первой ласточки частноправового единства Германіи, въ ней появилось въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ и общее для всего нѣмецкаго народа торговое законодательство. Но и въ предѣлахъ, затѣмъ, гражданского права въ собственномъ смыслѣ Германія одно время не сразу собиралась привести въ исполненіе завѣтную мечту своихъ лучшихъ людей, искреннихъ и пламенныхъ патріотовъ, требовавшихъ, подобно Тибо, унификаціи гражданского права для всей страны. Достаточно извѣстно, что и здѣсь—не иначе, какъ въ Швейцаріи—единство было первоначально задумано болѣе тѣсное, въ границахъ именно только обязательствъ. Самая конституція сѣверо-германскаго союза, а на первыхъ порахъ и германской имперіи дальше этого не шла. И отъ даннаго этапа въ исторіи германскаго гражданского права даже сохранился источникъ, далеко не лишенный интереса. Я имѣю въ виду такъ наз. Дрезденскій проектъ, составленный уже безъ малаго полвѣка тому назадъ, а впослѣдствіи волею судьбы, на почвѣ стеченія обстоятельствъ, положенный въ основу соотвѣтственнаго отдѣла проекта в сего германскаго гражданского уложенія.

Однако, подлинно ли убѣдительно для насъ примѣръ Германіи, примѣръ Швейцаріи? Не было ли тамъ своихъ особыхъ, своеобразныхъ условій, не повторяю-

щихся у насъ? Или не явилось ли тамъ обращеніе къ обязательственному праву результатомъ просто случая—случая, нисколько не побуждающаго къ подражанію?

Нѣтъ, отвѣчу я, дѣло отнюдь не въ случаѣ, а равнымъ образомъ причины, повліявшія тамъ, въ названныхъ странахъ, не могутъ не вліять и здѣсь, въ нашемъ отечествѣ, ибо это причины глубокия и, главное, общія.

Вся разгадка, весь ключъ къ вопросу заключается въ томъ, что обязательственное право, въ отличіе отъ правъ семейственныхъ, наслѣдственныхъ и даже вещныхъ, всего менѣе оригинально. На обязательственномъ правѣ всего менѣе лежитъ печать определенной среды, печать географическихъ, историческихъ, этническихъ и прочихъ условій жизни и развитія народа.

Въ тѣснѣйшей связи съ этимъ свойствомъ и фактомъ надлежитъ присовокупить, что въ отдѣлѣ обязательствъ первооснова гражданскаго права—право римское—являетъ особенную универсальность и, слѣдовательно, особенную юность и непреходящность. При всей эволюціи, какой подверглась римская постройка обязательствъ, при всей замѣнѣ субъективноличной природы римской *obligatio* природою характера несравненно болѣе объективно-имущественнаго, при всемъ ослабленіи древняго строго-индивидуальнаго и автономнаго начала включеніемъ начала новаго, соціальнаго и принудительнаго,—несмотря на все, обязательственное право древняго Рима—безспорно, вполне пригодный фундаментъ и для нашего современнаго частнаго права. Семья римская отошла въ область безвозвратно

пережитаго прошедшаго — и слава Богу! Вещное право Рима, мало выдвигавшее недвижимость, не знавшее самостоятельнаго имобилиарнаго оборота, и даже римское право наслѣдованія, необыкновенно сложное, чрезмѣрно тонкое и специфическое, — всѣ эти отдѣлы въ глазахъ нынѣшняго цивилиста — все равно, будетъ ли онъ теоретикъ или практикъ, судья или законодатель — не могутъ притязать на ту рѣшающую долю вниманія и признанія, какой, наоборотъ, въ правѣ себѣ и сейчасъ еще требовать система обязательствъ, заложенная и пышно развитая юристами-классиками.

И не здѣсь ли, не въ отмѣченныхъ ли только-что свѣтлыхъ сторонахъ трактуемой части римскаго права слѣдуетъ искать объясненія еще того факта, что нерѣдко въ уложеніи книга, отведенная обязательственному праву, много удовлетворительнѣе, лучше другихъ книгъ, регулирующихъ иного рода гражданско-правовыя отношенія? Повторяемъ: въ обязательственномъ правѣ работа, совершенная римлянами, особенно велика и почтенна, тутъ древній міръ успѣлъ подготовить и создать, успѣлъ оставить намъ наслѣдіе особенно богатое, неизмѣримой цѣнности и важности.

Вотъ почему и въ германскомъ, между прочимъ, гражданскомъ уложеніи, этомъ крупнѣйшемъ законодательномъ памятникѣ конца 19-го вѣка, романистическій отдѣлъ обязательствъ выдѣляется выгодно; почему сравнительно съ другими частями, властно требовавшими окраски въ цвѣтъ германистическій и содержанія германско-правового, содержанія менѣе совершеннаго, — почему и въ нѣмецкомъ В. Г. В. нашъ отдѣлъ оказался удачнѣе, былъ встрѣченъ сочув-

ственнѣе, вызываль и продолжаетъ вызывать нареканій меньше ¹⁾).

Наконецъ, вмѣстѣ съ тѣмъ понятно и другое — понятно, отчего въ силу этихъ своихъ положительныхъ качествъ обязательственное право германскаго уложенія было способно служить и фактически въправду послужило пригоднымъ для насъ образцомъ. Неопытные еще законодатели на трудной нивѣ гражданскаго права, бѣдные силами, знаніемъ и опытомъ, мы, естественно, устремили свой взоръ въ сторону Запада, откуда намъ, вѣдь, и раньше случалось заимствоваться, и притомъ какъ разъ въ области частноправной. Не менѣе, разумѣется, естественно и то, что нашъ взоръ остановился тутъ не на иной странѣ, какъ Германія, съ ея въ то время новѣйшимъ, еще даже не вступившимъ въ дѣйствіе, уложеніемъ.

Да не послышится въ этихъ словахъ упрекъ. Въ нихъ нѣтъ упрека, и не можетъ быть. Кто не ставитъ во главу угла такъ наз. самобытность и не приноситъ ей въ жертву реальныя, хозяйственныя и духовныя, блага своего народа; кто и въ сферѣ частнаго права стремится приобщить русское общество къ высокимъ цѣнностямъ далеко опередившей насъ Европы; кто, наконецъ, не склоненъ преувеличивать строго національныя начала даже и въ дѣйствующихъ нашихъ законахъ гражданскихъ и, во всякомъ случаѣ, не въ недостаткѣ исторической самобытности видитъ круп-

¹⁾ См., напримѣръ, Lothar Seuffert'a „Die allgemeinen Grundsätze des Obligationenrechts in dem Entwurfe...“, который здѣсь говоритъ о „gute Arbeit“ (Beiträge... Bekker'a и Fischer'a, XI, стр. 2).

нѣйшій ихъ грѣхъ, — кто такъ смотритъ на вещи, тотъ, очевидно, не можетъ порицать редакторовъ нашего проекта зато, что, нашедши доброе за рубежомъ, они это доброе не отвергли по тому единственно основанію, что оно отыскалось не дома, не по сю сторону границы.

Только неумѣлое, грубо механическое перенесеніе къ намъ параграфовъ германскаго кодекса способно вызвать съ нашей стороны возраженія и протесты. Въ частности и въ особенности, недопустимо, конечно, ошибочное пониманіе самого образца или невѣрная его передача и тѣмъ самымъ насажденіе у насъ дефектной нормы тамъ, гдѣ, наоборотъ, правильное усвоеніе и толковое заимствованіе принесли бы пользу, дали бы результатъ благой.

Лишь въ этомъ, главнымъ образомъ, смыслѣ и должно понимать, въ большинствѣ случаевъ, ту критику, которая раздалась по адресу проекта русскаго гражданскаго уложенія, — точнѣе, его пятой книги, обязательственнаго права, при самомъ появленіи проекта въ исходѣ 1899 года. Безспорно, въ общемъ отнеслись отрицательно, осуждали и даже бранили, — это вѣрно, однако не столько за «переводъ», за фактъ «перевода», сколько зато, что переводъ вышелъ крайне слабый и плохой. Нерѣдко на этотъ счетъ выражались даже рѣзче. Изъ весьма авторитетныхъ представителей суровой критики я здѣсь назову только покойнаго профессора Петербургскаго университета Н. Л. Дювернуа¹).

¹) Пособіе къ лекціямъ по гражданскому праву, вып. 2, стр. III и сл. Ср. еще, напр., стр. 103.

Но съ тѣхъ поръ многое успѣло измѣниться, измѣниться къ лучшему. Нѣтъ сомнѣнія, что проектъ въ своей новой, сейчасъ отпечатанной, по счету едва ли не четвертой уже редакціи являетъ изданіе «пересмотрѣнное и исправленное». И далеко позади, надо думать, остался сейчасъ первый робкій опытъ людей, за своею работою выросшихъ и окрѣпшихъ, вмѣстѣ съ этой работою созрѣвшихъ. Русское общество, такимъ образомъ, имѣетъ достаточное, повидимому, основаніе питать положительныя надежды, и, конечно, оно данный законопроектъ встрѣтитъ и привѣтствуетъ съ искреннимъ и нескрываемымъ доброжелательствомъ.

И тѣмъ не менѣе излишне доказывать, что трудъ еще предстоитъ огромный, грандіозный, упорный.

И трудъ этотъ должны будутъ приложить не одни только наши народные представители и члены нашей верхней палаты. Разумѣется, и они, — пожалуй, даже прежде всего они. Но, не говоря уже о крайней ихъ обремененности, не говоря и объ очевидной среди нихъ малочисленности специалистовъ, лицъ достаточно близкихъ къ гражданскому праву и вполне освѣдомленныхъ въ этой все же не совсѣмъ легкой области, — и не развивая всего этого, необходимо себѣ отдать отчетъ, откровенно и ясно, въ томъ, что по самому существу, по самой своей природѣ парламентъ едва ли призванъ, едва ли способенъ сдѣлать въ данномъ случаѣ все требуемое, выполнить заданіе полностью. Разумѣется, провѣрить, отвѣчаетъ ли будущій законъ дѣйствительнымъ нуждамъ и потребностямъ жизни, занять въ томъ или иномъ вопросѣ позицію

общую и принципиальную, дать институту то или другое политическое, социальное-политическое или правно-политическое направление, внести въ главу о такомъ-то договорѣ или о вознагражденіи за вредъ, причиненный недозволеннымъ дѣяніемъ,—внести сюда поправку, рядъ поправокъ, солидныхъ поправокъ, съ точекъ зрѣнія справедливости, цѣлесообразности, равновѣсія и мира въ отношеніяхъ между людьми,—все это, очевидно, прямое назначеніе народныхъ представителей, ихъ естественныя функціи и роль. Но нельзя забывать, что помимо, что сверхъ всего этого существуетъ еще другая сторона дѣла — сторона, пусть болѣе сѣрая, однако немаловажная. Это область построения, формулировокъ, согласованія, область нерѣдко частныхъ и деталей,—словомъ, область строго юридическая, а подчасъ и техническая. Пройти мимо нея безъ вниманія и пренебрежительно можетъ только профанъ. Напротивъ того, свѣдущій человекъ понимаетъ, насколько ея значеніе серьезно, какъ часто именно ею и степенью ея удовлетворительности обусловленъ практической успѣхъ кодификаціи и надлежащее отправленіе правосудія. Юристъ знаетъ, что нерѣдко погрѣшности въ технико-юридическомъ отношеніи—таковы истинныя причины «неполноты, неясности, недостатка или противорѣчія» законовъ.

Такъ вотъ въ чемъ—если бы даже забыть обо всемъ остальномъ — нашимъ законодательнымъ учрежденіямъ нужна настоятельно помощь, самая интенсивная и энергичная помощь людей компетентныхъ, обширнаго круга образованныхъ юристовъ, подлежащихъ обществъ и учреждений.

И не можетъ быть, трудно допустить хотя бы отдаленно мысль, чтобы эта помощь не пришла, чтобы въ ней было отказано.

Но одно условіе тутъ, очевидно, весьма полезно и почти обязательно. Я разумѣю возможность для желающихъ, для всѣхъ желающихъ ознакомленія съ точнымъ содержаніемъ проекта, съ его текстомъ, а равнымъ образомъ и мотивами, съ такъ наз. объясненіями и запискою.

Разрѣшите мнѣ здѣсь одно небольшое отступленіе. Съ неподдѣльнымъ прискорбіемъ я вынужденъ констатировать, что порядокъ, на этотъ счетъ у насъ введенный и существующій, отнюдь не благоприятствуетъ тому ознакомленію, той освѣдомленности, о которыхъ я сейчасъ сказалъ.

Наше правительство, наше министерство юстиціи изготовляемыхъ имъ проектовъ и законодательныхъ къ нимъ матеріаловъ не обращаетъ въ публику, не допускаетъ къ продажѣ, вообще не дѣлаетъ ихъ доступными вовсе или, въ лучшемъ случаѣ, дѣлаетъ это въ мѣрѣ и степени совершенно минимальной, близкой къ нулю, абсолютно недостаточной.

Только пятая книга проекта гражданского уложенія первой редакціи составила однажды отрадное исключеніе. Но уже другія книги того же проекта и изданія, хотя и оказались въ книжныхъ магазинахъ, но въ столь ничтожномъ количествѣ экземпляровъ, что ихъ хватило лишь на одинъ, такъ сказать, мигъ. И сразу трудъ превратился въ величайшую библиографическую рѣдкость. Но какъ бы то ни было, въ отношеніе этого перваго изданія имѣлась хотя попытка расширить кругъ

ЮРИДИЧЕСКІЙ
КАБИНЕТЪ
Р. Ж. К.

читателей за узкіе предѣлы бюрократическихъ мѣстъ и официальныхъ правительственныхъ коллегій. Въ идеѣ, по крайней мѣрѣ, тутъ было за русскимъ обществомъ признано право узрѣть то, что предназначалось стать его гражданскимъ закономъ, должно было опредѣлить положеніе каждаго—личное, семейное, имущественное. Однако, позже и это было сочтено излишнимъ, празднымъ. Ни вторая редакція, ни такъ наз. сводная редакція 1905 года уже и вовсе не могли быть приобрѣтаемы. Ихъ не разослали даже юридическимъ факультетамъ университетовъ. О такъ наз. «Замѣчаніяхъ на проектъ гражданскаго уложенія», о «Журналахъ редакціонной комиссіи» и о многомъ другомъ я не смѣю и говорить. Все это хранилось крѣпко за семью замками...

И сейчасъ еще, въ нашу конституціонную пору, не слышно ровно ничего объ измѣненіи подобнаго порядка вещей. Приходится самому весьма заботливо стараться о томъ, чтобы путемъ личнаго знакомства, благодаря пріятелю, очутиться обладателемъ драгоценнаго источника. Другими словами, и здѣсь русскому гражданину или, вѣрнѣе, русскому обывателю необходимо просить, молить, идти особыми путями. Многочисленные юристы, въ томъ числѣ мои товарищи и ученики, уже теперь обращаются ко мнѣ съ вопросомъ, какой же существуетъ способъ прочесть проектъ, заглянуть въ него, раздобыть книжку. Мнѣ остается отвѣтить, что такого способа, прямого и явнаго, я не знаю,—его, кажется, нѣтъ.

Сто лѣтъ тому назадъ знаменитый Іеремія Бентамъ, волею судебъ не совсѣмъ чуждой Россіи, писалъ, во

116792. нр
второй и послѣдній разъ, Александру I, уже успѣвшему въ то время «генія добра», Сперанскаго, замѣнить «геніемъ зла», Аракчеевымъ. Въ этомъ письмѣ англійскій мыслитель горячо рекомендовалъ императору полную гласность въ дѣлѣ законодательныхъ вопросовъ, высказывая и для себя лично стремленіе къ участию въ этихъ вопросахъ непремѣнно открытому, на глазахъ какой-угодно критики, и сѣтуя на отсутствіе этой желанной и рѣшительно необходимой атмосферы гласности въ тогдашней Россіи. Вотъ что, между прочимъ, писалъ Бентамъ: «При г л а с н о м ъ способѣ кодексъ... дѣлается извѣстнымъ публикѣ, какъ вообще дѣлаются ей извѣстны литературныя произведенія; и это дѣлается съ цѣлью—если не прямо заявленною, то подразумеваемою и всѣми вообще понимаемою—вызвать замѣчанія, которыя всякое лицо (сдерживая, разумѣется, свои выраженія въ границахъ уваженія и приличія) пожелаетъ высказать также публичнымъ образомъ». Наоборотъ, при н е г л а с н о м ъ способѣ наблюдается «упущеніе воспользоваться тѣмъ свѣтомъ, какой былъ бы способенъ дать міръ вообще», «какой была бы расположена доставить публика въ ея наибольшей полнотѣ»¹⁾.

Это писалось въ 1815 году, но, къ сожалѣнію, даже вѣкъ, съ тѣхъ поръ почти истекшій, и тотъ не принесъ намъ осуществленія одинаково благородной и трезвой мысли Бентама.

Съ чувствомъ горечи и обиды за себя и за свое убѣждаешься, что и въ данномъ отношеніи дѣло на

¹⁾ См. П и п и н ъ, Русскія отношенія Бентама: „Вѣстникъ Европы“ 1869, кн. 4, стр. 755, 758 и сл.

Западъ поставлено иначе. Когда въ Швейцаріи, только что, совершалась реформа гражданскаго права,—какъ тутъ все было доступно! Маленькіе томики, хорошо извѣстные многимъ изъ насъ, заключавшіе проекты отдѣльныхъ частей и всего уложенія во всѣхъ редакціяхъ, обнимавшіе и текстъ, и поясненія, и «послания» и т. д. и т. д.,—какъ широко они были распространены, какъ появлялись своевременно, какъ легко, безъ малѣйшихъ усилій, за пару франковъ оказывались они и въ нашихъ рукахъ, въ далекой Россіи. Того же начала и тѣхъ же пріемовъ держалась безусловно и Германія со времени своего второго Entwurf'a, и даже Австрія, сравнительно отсталая и къ намъ стоящая гораздо ближе Германіи и Швейцаріи,—и та, обновляя какъ разъ въ настоящую минуту свое нѣкогда прекрасное, а нынѣ уже сильно обветшалое гражданское уложеніе отъ начала прошлаго вѣка, обновляя его, какъ и мы, частями ¹⁾,—даже Австрія, говорю, пріобращаетъ къ этой работѣ населеніе и облегчаетъ ему участіе, свободно раскрывая предъ нимъ матеріалы...

Но при всемъ томъ уповаю: даже поставленное въ мало отрадныя условія, русское общество тѣмъ не менѣе внесетъ свою благодѣтельную, свою крупную лепту въ дѣло созданія у насъ обязательственнаго права. И не призванные официально споспѣшествовать разрѣшенію великой задачи мы, тѣмъ не менѣе, не

¹⁾ См. статью Unger'a «Zur Revision des allgemeinen bürgerlichen Gesetzbuches», въ которой онъ, какъ извѣстно, настаиваетъ на преобразованіи австрійскаго гражданскаго (права путемъ «mosaikartige Einzelkorrekturen» Zeitschrift Grünhut'a XXXI, стр. 404).

останемся, не въ правѣ остаться въ роли безучастныхъ, пассивныхъ арителей—не въ правѣ уже потому, что задача предъ нами дѣйствительно великая. Какъ не сознать, что ея благополучное разрѣшеніе явится, для данной немалой части правовой системы, поворотнымъ пунктомъ, концомъ одного періода и началомъ другого, началомъ новаго движенія, новаго развитія. Только мимоходомъ отмѣчу, что этотъ поворотный пунктъ коснется не одной лишь области чисто гражданскаго права. Въ силу проведеннаго редакторами проекта включенія въ него и сдѣлокъ также торговыхъ, вслѣдствіе посильнаго устраненія такъ наз. дуализма въ частномъ правѣ, значеніе проекта должно оказаться первостепеннымъ и для права торговаго.

Все это сугубо налагаетъ на насъ долгъ — долгъ благодарный, но въ то же самое время глубоко серьезный и отвѣтственный.

Вспомнимъ, въ какой необычайной мѣрѣ еще такъ недавно нѣмецкое общество, нѣмецкіе юристы—юристы-добровольцы—переработали, исправили, улучшили то, что было задумано и изготовлено, что предлагалось союзнымъ правительствомъ. Вспомнимъ, какъ тогда громко и сильно отозвалось въ Германіи общественное мнѣніе, съ какимъ вниманіемъ и уваженіемъ оно было выслушано. Тогда блестяще подтвердилось, что общественное мнѣніе—это несомнѣнный, это немаловажный факторъ представительнаго строя.

Мнѣ въ ту пору случилось жить въ Германіи. И я никогда не забуду того оживленія, поразительнаго и небывалаго, коего я былъ свидѣтелемъ. Оно проявилось въ печати и литературѣ — въ газетахъ, жур-

налахъ, книгахъ, въ необозримой массѣ брошюръ и листовъ, проявилось въ многочисленныхъ собраніяхъ и обществахъ, политическихъ, профессиональныхъ и ученыхъ, въ длинномъ рядѣ докладовъ, рѣчей, лекцій, курсовъ на тему о будущемъ гражданскомъ уложеніи и по поводу уложенія. Я не способенъ забыть тотъ огромный, рѣдчайшій подъемъ, который охватилъ тогда самые далекіе круги нѣмецкой націи и проникъ глубоко внутрь ея,—охватилъ и юристовъ и не-юристовъ, и теоретиковъ и практиковъ, людей разнообразнѣйшихъ классовъ, занятій, возрастовъ. Казалось, всѣ понимали, что моментъ переживается исключительный, историческій.

Почитаю себя счастливымъ, что мнѣ довелось это видѣть и ощутить. Но я почту себя, по истинѣ, во сто кратъ счастливѣе, если тѣ же оживленіе и подъемъ— пусть даже въ одной сотой только долѣ—судьбѣ угодно будетъ дать мнѣ наблюдать и испытать у насъ въ Россіи, на почвѣ нашей русской, родной дѣйствительности, въ связи съ предстоящею всѣмъ намъ работою надъ проектомъ гражданского уложенія.

